

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

**ПРОДАВЕЦ
НАРИСОВАННЫХ ПТИЦ**

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Алексей Карпов

**Продавец нарисованных птиц.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Карпов А.

Продавец нарисованных птиц. Сборник рассказов /
А. Карпов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904306-1

Важно видеть мир вокруг и свою жизнь такими, какие они есть, без толики лишнего и также важно рисовать детально картину жизни и мира вокруг такими, какими хотелось бы их видеть тебе и всем людям. Книга — это окно в мир, в лучшую жизнь. Кто не выдержал, кто не боролся за нее, тот умер, кто считал, что бороться не надо. Плыви по течению и умри с грохотом приближающегося впереди водопада. Жанр фэнтези — это не трансфигурация, не телепортация и даже не левитация! Это извечная борьба ножа и крови!

ISBN 978-5-44-904306-1

© Карпов А.
© Издательские решения

Содержание

Черноморка	6
Кит и чёрный комод	11
Мумификация	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Продавец нарисованных птиц Сборник рассказов

Алексей Карпов

© Алексей Карпов, 2018

ISBN 978-5-4490-4306-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черноморка

Черепаша ползла к воде. Огненный шар над головой разгорался всё ярче и ярче и уже к полудню нагрел песок до состояния раскалённых углей. Этим утром, когда солнце ещё не взошло, а молодой месяц уже качался в колыбели океана, она закопала в мокром песке, под кокосовой пальмой мешочек со звёздами. Старая черепаха ползла, выжимая из себя последние силы, и представляла, что скажут её дети, когда вырастут и откопают то, что она спрятала там....

– Спасибо тебе мама за то, что ты подарила нам жизнь, за то, что дала нам возможность жить в этом прекрасном, цветущем мире.

Она ползла и улыбалась, согреваемая мыслью о своих детях... Шаг за шагом по тонкой серебряной нити во вселенную океана, туда, где есть всё, о чём она так сейчас мечтала. Ещё три метра – и она обратится в ястреба, свободно парящего в океане тьмы. Она проползла девять этих долгих месяцев, неся на себе девятьсот килограмм веса, как девять кругов ада от самого озера, и теперь была готова к прыжку в океан. Несчадно палящее солнце помутнило её мысли. Нахлынули воспоминания, впустую потраченные годы, призраки молодости, былой страсти....

Она уже ощущала прохладу солёных брызг. Волны, шурша, накатывались на берег и лениво отступали, оставляя после себя клочья пены. Ей оставался всего три метра до воды, когда её накрыла тень человека. Это была девушка в синем купальнике. На шее у неё висел фотоаппарат. Всё тело черепахи под толстым костяным панцирем затрясло. Девушка на корточках подползла к черепахе сбоку. Её мокрые, смолянисто-чёрные локоны волос упали прямо ей на нос. Появились большие голубые глаза. Щелчок! Вспышка!

– Постойте! Куда же вы? Как вас зовут? Я – Иона. – Признавайся! Где спрятаны пиратские сокровища?

Звонко смеясь, девушка обхватила черепаху сзади за панцирь и потянула назад. Ненависть к туристам придала черепахе сил. Она яростно отбрыкивалась задними лапами и даже пыталась укусить назойливую даму. День пятый. Отпуск шёл на ура. Погода отличная. На небе – ни облачка. А остров и в самом деле оказался необитаемым; обойти вокруг можно за пару часов.

– В озере! Проклятая бестия! В озере! Только оставь меня в покое!

Улыбка медленно сползла с лица девушки. Она разжала пальцы и села на песок. До неё никак не мог дойти смысл слов, а когда она опомнилась, черепахи уже не было.

Иона приплыла сюда с большого континента, чтобы отдохнуть от суеты, насладиться тишиной и покоем. Минут через пять она уже забыла о своей слуховой галлюцинации и покачивалась в гамаке, растянутом между двумя пальмами, вспоминала свой город, гудящие пароходы, гремящие трамваи, церкви и звенящие колокола.

Этот остров ещё называли «Островом козлов». Раньше на нём обитала небольшая популяция козлов, завезённых на остров местными жителями. В турагентстве Иону уверяли, что всех козлов уже давно вывезли, и на острове нет ничего, что могло бы представлять угрозу для жизни. В годы второй мировой войны на Агихане находилась какая-то засекреченная японская лабораторию, но от неё на острове не осталось и следа. Иона покачивалась в гамаке и думала.

– Планета так огромна и так невообразимо прекрасна. Нас зовут звёзды, нас влекут путешествия, силой наших мыслей растут города, прогресс летит, набирая скорость, как электричка на электромагнитных подушках в открытый космос, и ничто не в силах его остановить, ни войны, ни эпидемии, ни катаклизмы. . . .

Иона жила в небольшой хижине с крышей из пальмовых листьев, загорала, купалась, читала книгу о том, как выжить на необитаемом острове, залезала на пальмы за кокосами, пыталась ловить рыбу и страшных десятиногих лобстеров, величиною с собаку. Москитов на острове, к счастью, не было, и она надела самую лёгкую одежду из того, что у неё хранилось в бесчисленных чемоданах: атласную сорочку алого цвета и тапочки. Всё – новое, ещё не распакованное. Зато вместо москитов на острове имелись другие опасные вредители – мартышки. Как-то раз одна мартышка стащила из чемодана телефон и сидела весь день на пальме, раздувая губы и тыча в экран пальцами. Телефон она так и не вернула.

На следующий день Иона всё же решила довериться своей интуиции и поискать озеро. Она никогда далеко не уходила от побережья, боясь, что макаки, однажды, соберутся все вместе и унесут её вглубь тропического леса, а там, одному богу известно, что её ждёт.

Пробираться через джунгли оказалось гораздо труднее, чем она себе представляла. Деревья и колючие кустарники опутывали сетью деревянистые лианы. В двадцати метрах над землёй солнце закрывали густые кроны акаций. А бамбуковые заросли порой стояли такой сплошной стеной, что протиснуться через них было невозможно и приходилось обходить, отклоняясь от курса на несколько сот метров. Зато наградой ей были диковинные тропические фрукты. На вьющихся лозах – кислощящая маракуйя, похожая на лимон, маслянистое авокадо с ореховым привкусом, киви и бананы.

Спустя три часа блужданий Иона усомнилась в том, что на этом душном аду вообще может быть озеро. Перебираясь через провисшие лианы, она поглядывала искоса на мартышек. Их безумные крики эхом прокатывались от одного конца острова к другому, будто артиллерийская канонада. В турагентстве её уверяли, что мартышки не опасны и питаются исключительно бананами, но эти оскалы на их физиономиях, да в таком количестве наводили на мысль, что они готовят террористический акт.

Иона перебиралась через заросли тростника, когда услышала треск. Кто-то быстро двигался ей на встречу. Тростник падал всё ближе, образуя полосу. Девушка попятилась назад.

– И спрятаться негде. В агентстве меня уверяли, что остров не обитаем. Кто же это может быть? Пираты или наркоторговцы выращивают здесь марихуану? В таком случае дело плохо.

Тёмная двухметровая фигура приближалась. Замелькала сабля, позолоченная пластинчатая кольчуга, шлем с высоким шпилем, кольчужное ожерелье, закрывавшее шею и плечи,

круглый красный щит с изображением льва – перед ней предстал бородатый дядька в доспехах древней Руси. Иона натянуто улыбнулась и поклонилась воину. Голос бородатого дядьки прогремел, будто пушечный выстрел.

– Не встречала ли ты, девица, здесь низкорослого такого паренька, с наглой мордой, да в треугольной шляпе заморской?

Иона быстро замотала головой.

– Этот пират украл мою маску, подлец! У меня! Черномора, правителя четырёх океанов и семи морей! Великого духа морского! Он посмел покушаться на мою власть! Да я подниму его к облакам, брошу вниз и разобью о скалы в одно мгновение, как пустой стеклянный сосуд! Пусть радуется, смеётся. Он не замечает, что идёт по тонкому льду, но, однажды, лёд треснет или растает в огне его страстей! Жизнь человека – это лишь проблески пламени, что разжигаются в буре страданий! Наверняка он прячется где-то у озера. Рано или поздно я всё рано найду его.

И с этими словами Черномор резко развернулся и зашагал прочь, размахивая саблей. Иона поспешила за ним следом; ведь он знал, где находится озеро.

– Похоже, турагентство подготовило для меня небольшое представление под занавес. Посмотрим, что будет дальше.

Под сияющими золотом латами Черномора играла гора мышцы, а на шлеме сверкали драгоценные камни. Он, словно ягуар, ловко изворачивался, перепрыгивая овраги и лианы. Иногда останавливался, прикладывая ладонь ко лбу, осматривался и вновь махал своей саблей. Всё сильнее, быстрее и яростнее!

Впереди над макушками деревьев показался кратер вулкана. Земля задрожала, и из-за деревьев вышел трёхметровый гигант, слепленный из чёрной глины. Иона ахнула, заворожено глядя на голема, и спряталась за дерево в углубление, между корнями деревьев. Его овальная голова, с одним большим горящим ядовито-жёлтым глазом, волнообразно переходила в туловище. Единственная рука торчала прямо из груди. А в кулаке, величиною с человеческую голову, он сжимал секиру, на длинной рукоятке, украшенной красными камнями. Иона, наблюдала за представлением из своего укрытия.

Черномор с боевым кличем ринулся в бой на чудовище. Голем размахнулся секирой. Черномор бросился на землю и, перекувыркнувшись два раза через голову, прокатился мимо него. Очувтившись сзади, он прыгнул на спину голему и отсек саблей ему голову. Из раны потекла чёрная, вязкая грязь. Чудище упало на землю и принялось искать свою отрубленную голову, потом водрузило её обратно на плечи, и бой продолжился. Удар молотом пришёлся Черномору по спине. Да такой силы, что он пролетел метров пять, ударился о дерево и сполз на землю.

– Что-то это уже не похоже на шоу. Нужно уходить отсюда.

Иона побежала в сторону вулкана, откуда она надеялась разглядеть свой лагерь на берегу. А Черномор, покачиваясь и звеня латами, со страшным воплем вновь бросился в атаку и отрубил руку глиняному чудовищу. Рука, однако, поднявшись на пальцах, тут же прилепилась обратно к груди. Иона ещё слышала позади звон молота и сабли и бежала, не оглядываясь.

Наконец, джунгли расступились, и взору её предстало райское озеро с водопадом. Слева, за деревьями, виднелся голый каменный склон вулкана, а справа – весь остров просматривался, как на ладони. Под струями водопада кто-то мылся. Иона подкралась поближе и спряталась за камнем. На плече у невысокого, плотнорослого мужчины она заметила татуировку скелета с кубом, на шее – золотая цепь, а в левом ухе – серьга с камнем.

– Похоже это тот разбойник, который украл у Черномора маску.

И в самом деле: чуть поодаль, справа, где берег не был таким крутым, лежала стопка одежды – сапоги, пёстрый жилет, бриджи, атласная рубашка малинного цвета, сверху –

треугольная шляпа с фиолетовым павлиньим пером, а рядом – железная маска Черномора с наносником. Летящая с неба вода разбивалась о мускулистые плечи вора и сияла в лучах солнца. Пират натирался губкой, напевал какую-то мелодию, плевался водой, потом вдруг заговорил.

– Уже познакомилась с моим големом? Скоро от человека из плоти и крови на земле не останется и следа. Его заменит человек глиняный, работающий безотказно, идеально, без сбоев. Глиняное тело станет пределом желаний человеческих, мечтой, за которую стоит отдать все свои сбережения и умереть.

Сообразив, что её заметили, Иона вышла из своего укрытия.

– Земля обливается кровью. Кровью искупления. И кровь эта будет идти до тех пор, пока Земля не иссохнет вовсе, и тогда поднимется новая волна – разрушающая, а за ней – создающая. Поднимутся мои глиняные воины, лишённые чувств и жажды удовольствия, и на земле воцарится диктатура воли, терпимости и разума. Боль, страдания, крики – от них никуда, это обратная сторона луны, радости и улыбки. Лучезарной улыбки.

Пират повернулся и посмотрел прямо в глаза Ионе. В них горел стальной огонь. Иона хотела было что-то сказать ему в ответ, но он продолжил.

– Зачем слушать голоса вокруг, если ты – глиняная машина, ты – идеал, коего не осмыслить окружению? Даже не пытайся ставить под сомнения мои способности, деточка деточка, скорее сама захлебнёшься кровью. Голем идёт за собой. Встреть его с достоинством. Иди навстречу своему страху и сразись с ним. И не жди помощи, ибо ожидание убьют тебя быстрее пули.

И тут Иона поняла, что надо делать. Она бросилась к камню, на котором лежала маска Черномора.

– Что ты делаешь?! Не смей!

Пират бросился к берегу, но девушка оказалась быстрее. Она схватила маску и примерила её на себя. Всё вокруг расплылось перед глазами. Руки, ноги, грудь – всё стало прозрачным, светящимся изнутри голубоватым светом студнем. Иона стала водой, заряженной энергией жизни. Она стала Черноморкой. Не в силах устоять на ногах, Иона стекла на землю и просочилась по корням дерева в озеро.... Она оставила Черномора и пирата тлеть в живой плоти, потом – в мёртвой и в конечном итоге – в глиняной.

Иона обыскала всё дно озера, каждые его сантиметр. Она искала сокровище, о котором говорила черепаха и нашла его – карликовое дерево в глубокой яме под водопадом. Оно цвело. Цветы его были похожи на ландыши и источали нежный, сладкий аромат яблока и ванили. Кое-где уже висели первые плоды – красные рубины!

– Неужели та черепаха ползла сюда от самого океана?!

Иона наломала целый букет веток с рубинами и по подземной реке, берущей своё начало на дне озера. Красные камни ей были не нужны. Она оборвала их и разбросала по дну озера, посеяв новые деревья.

Черноморка вышла из океана, а там без труда отыскала свой лагерь и, выйдя из воды, сняла маску. Солнце уже скрылось за горизонтом и стало холодно. Девушка сняла мокрую одежду, разожгла на берегу костёр.

Полночи Иона сидела у костра, опасаясь появления Черномора и пирата, вспоминала свой серый город, угрюмые лица людей, переполненные автобусы и работу. Когда дрова прогорели, и от костра остались только тлеющие угли, она подкинула веточку карликового дерева. С океана дунул холодный ветер, ветка вспыхнула ячее солнца, заискрилась, как бенгальский огонь, и из одной искры родилась бабочка. Она раскинула свои крылья, похожи на птичьи перья, сотканые из света, вспорхнула в ночное небо, усыпанное звёздами, и закружила над островом, оставляя за собой длинный искрящийся шлейф. На Иону

нахлынули другие воспоминания – все те мгновения, что вдохнули когда-то в неё жизнь, что вели её всю жизнь по дороге в неизвестность!

Ей оставалось провести на Агихане последнюю ночь. Утром придёт круизный лайнер, и, через много-много лет, она – Черноморка будет безмолвно кричать из распахнутого настежь окна своего дома всему городу о своём величии и созерцать в океане тьмы тот прекрасный, водный мир, что она создала.

Кит и чёрный комод

Кит залёг дно и думал. Он вспоминал своё прошлое, пытался понять настоящее и размышлял о грядущем. Много лет назад он покинул родной дом и теперь скитался по морю, заплывал в такие места, куда не проникал ещё ни один моллюск. Он искал ответы на свои вопросы, строил догадки, но малейшие волнения – и всё рушилось, вновь и вновь... Размышления его прервали пузыри. Переливающиеся малиновым светом они ворвались в ущелье, где он лежал, и полопались все у его носа, будто воздушные поцелуи облепив розовой слизью.

Кит проснулся и поплыл вдоль длинной вереницы пузырей, намереваясь выяснить природу их происхождения. Оказалось, что это старый кальмар проводил какие-то свои новые безумные эксперименты. Он окунал коралловое колечко в мыльницу, втягивал в себя воду, да раздувался так, что внутри трещали хитиновые пластины. Одни пузыри лопались, другие – терялись где-то во тьме, в коралловом лесу. Там они лопались, распугивая одноглазых удильщиков и синих скатов, затаившихся в иле в ожидании завтрака.

– Однажды, я выдую такой огромный пузырь, – прокряхтел он, когда кит поплыл к нему, – такой огромный, что в него поместится весь мой замок. Пузырь всплывёт и поднимет мой дом в небо, к облакам.

Кит оглядел внушительных размеров красный цветущий коралловый замок, вокруг которого сновали стайки суетливых светящихся анчоусов, и хотел было уже возразить кальмару...

– Оттуда мы сможем увидеть весь мир, заглянуть в самые потаённые его уголки. – Продолжал учёный кальмар, поправив сползшие на нос очки. – Пузыри будут плавать по воздуху, по всей планете. Ведь мир так огромен и невообразимо прекрасен.... Наше море – лишь маленькая толика того, что простирается вокруг нас...

Кит уже открыл было рот, но кальмар резко повернулся к нему и посмотрел прямо в глаза сквозь толстые стёкла очков.

– А видел ли ты когда-нибудь корабли? Парусные фрегаты с матросами, чьи очи горят энтузиазмом? Что мы видели в своей жизни на дне моря? Помню, помню, были времена, когда море бушевало так, что сам дьявол дрожал от страха. Но это только добавляло первоходцам и первооткрывателям рвения к новым берегам. Случалось и мне наблюдать, как один из таких кораблей пошёл на дно. Тогда я был молод и глуп, но то что я нашёл в трюме того корабля открыло для меня новые миры....

Но кальмар не успел договорить. Из дебрей Кораллового леса вынырнула акула и бросилась на него, разинув свою кровожадную пасть. Кит видел, как вздулись ноздри хищника, как глаза его блеснули холодным стальным блеском. Скованный страхом кит попятился назад. Ряды острых зубов клацнули всего в паре миллиметров от розовой шляпки кальмара. Тот выронил мыльницу и колечко и, выбросив из-под мантии струю воды, кинулся к своему замку. Он успел запереть за собой решётчатые коралловые ворота, но акула с лёгкостью разнесла их в щепки. Все три сердца кальмара стучали так, что сотрясилось всё его желеобразное старое тело. Тяжело дыша, он взлетел по лестнице вверх и нырнул в один из залов замка. Они встретились там, на балкончике, лицом к лицу: она бесчувственная машина, созданная самой природой, чтобы убивать, он – сама доброта, великодушие и гармония мира.

Потом кальмар почувствовал резкую боль в щупальце, в глазах помутилось. Он летел вниз с балкона своего замка. Вода окрасилась в голубой цвет его крови. Он медленно-медленно падал вниз, и всё вокруг: водоросли, кораллы, анемоны и ракушки вспыхнули в лучах солнца, пробившегося сквозь толщу воды, разноцветьем красок. Кальмар видел, как сверху на него летит разинутая окровавленная пасть акулы, как в неё летит залп мыльных пузырей, и – о чудо! Один пузырь попал прямо в нос акуле и не лопнул. Он поглотил её всю целиком. Акула в слепой ярости забилась внутри о стены пузыря, но всё без толку – пузырь продолжал медленно всплывать.

Встревоженный кит подлетел к кальмару. Тот плавно опустил в ложе из зелёных водорослей. Два его сердца уже не бились. Очки на нём треснули, а из щупалец сочилась голубая кровь. Он пытался что-то сказать. Кит наклонился к нему ближе.

– Найди его.... Слышишь, обязательно найди... – прошептал кальмар, – тот комод из чёрного дерева... На кладбище кораблей... Все должны узнать правду...

И последнее сердце кальмара остановилось. Водоросли затянули его в свои объятия, и кальмара не стало.... На следующий день кит отправился на поиски кладбища кораблей. Выяснилось, что никто в его долине, не знает ничего о таком месте.

– Это, наверное, где-то в Тихом океане, а до него – не один месяц пути. Так что брось ты эту затею, – советовали анчоусы, – старый кальмар в последнее время совсем спятил.

Но кит твёрдо решил во что бы то ни стало найти этот комод из чёрного дерева. Быть может, именно в нём скрываются все ответы на его вопросы, которые уже много лет мучают

его, как там сказал кальмар – «новые миры». Кит всплыл на поверхность и шёл на север. Тихий океан – вот его единственная зацепка. Сын старого кальмара говорил ему:

– Там где родился мой отец очень холодно и земля вся – из льда.

Дождь хлестал весь день. К вечеру хмурое небо совсем почернело от туч и заискрило молниями. Холодные, большие капли дождя били градом по гладкой спине, но кит не останавливался ни на минуту. Он на ходу перекусывал планктоном, процеживая воду и взметая в небо фонтаны.

– Что за страшную правду скрывает этот комок? – думал кит.

На второй день к шквалу дождя ещё прибавился ураганный ветер. Волны кидали его из стороны в сторону и били по бокам, но кит упорно шёл напрямиком на север. Могут встретиться акулы, даже – стаи акул, люди с гарпунами или гигантские синих летающих скаты. Детёныши их не опасны и охотятся на мелкую рыбу, но взрослые скаты парализуют свою жертву голубыми молниями и высасывают из неё всю жизнь. Он никогда не заплывал так далеко на север. Неизвестно, что ждёт его впереди.

Кит шёл вдоль подводного хребта, а когда он кончился, звёзды стали для него единственным ориентиром. Тучи, к счастью, отступили, и кит двигался по большей части ночью. Долина потухших вулканов. Их кратеры виднелись под водой – язвы на теле океана, уничтожающие всё живое вокруг себя на много миль. На седьмой день начали попадаться атоллы – острова, образованные кораллами. Они были пустынные и безжизненны. Белая известь истлевших раковин ракушек покрывала эти острова, и они светились ночью, как серебряные монеты.

– Я буду искать этот комок до тех пор, пока не найду, даже если на это уйдёт вся жизнь, даже если мне придётся обойти все моря и океаны, – думал кит.

Вновь и вновь на океан опускалась ночь, тело кита наливалось свинцом, но он упорно шёл вперёд. Атоллы остались позади, появились первые рифы – вершины подводных скал. Какая-то птица сидела чёрном камне. Кит бы и не заметил её, если бы не столкнулся с ней нос к носу: она словно выросла из скалы и была похожа на статую, отлитую из бронзы. Её клюв был высоко поднят и устремлён вдаль, за горизонт. Кит рассказал ей о предсмертной просьбе учёного кальмара и спросил, не знает ли она, где находится Кладбище кораблей, и бронзовая статуя, на секунду задумалась, встрепетнулась и заговорила:

– Это гиблое место. Лучше держись от него подальше, – гордо прокричала утка, – да и у меня нет времени показывать тебе дорогу. Я веду свою стаю к солнцу. Вот уже который год оно ускользает от нас. Стоит нам хоть немного приблизиться – оно тонет в море.

И с этими словами бронзовая утка отвернула клюв, взмахнула крыльями и взлетела, а киту только и оставалось что наблюдать, как её силуэт исчезает вдали за облаками, превращаясь в тень на фоне заходящего солнца. Он проводил её взглядом и поплыл дальше. Волны назойливо плескались рядом и застилали глаза. В сердце защемила тоска. Сколько раз он представлял себе, как парит над облаками, а мрак океана – где-то там, далеко внизу, как он, растянувшись на белой перине облаков, смотрит на проплывающие звёзды, но он один здесь и сейчас. Так было и так будет.

Кит уснул, его подхватило холодное течение и понесло над арктическим горным хребтом, изрытым множеством пещер и ущелий, где притаились такие жуткие существа, при виде которых можно было сойти с ума. Кит проснулся от холода. Всё пространство вокруг, насколько хватало глаз, заполняли серебристые льдины. Они медленно плыли куда-то, трещали, сталкивались, образовывали непроходимые лабиринты. Из рта кита исходил пар, а тело всё покрылось тонкой корочкой льда, пока он шёл по лабиринту. Казалось, ему не будет конца.

И вот, наконец, он встретил первого жителя этого ледяного царства – морского котика. Он сидел на краю льдины, а вокруг него громоздились горы свежей рыбы. Котик, прижав

здоровенного тунца к груди, смотрел, как над горизонтом появляется кусочек пурпурного диска солнца. Он думал о чём-то своём, шевелил усами и улыбался во весь рот. Его переполняли радость и счастье. Котик вновь восхищался великолепием утренней картины, как всё ледяное царство заливается оттенками красного и фиолетового, дробится в кристаллах льда и согревает душу. И вот уже диск поднимается в небо, меняет форму, превращается в сатира. Огненный сатир пляшет и звенит бубенцами на шляпе.

Представление оборвал фонтан ледяных брызг, выпущенный китом, но котик просиял ещё пуще прежнего. Он радостно замахал гостю ластой, в знак приветствия. Кит спросил его, не слышал ли он что-нибудь о Кладбище кораблей.

– Это гнилое место. И чего это тебя потянуло туда? – Подозрительно прищурившись, спросил котик, – давай лучше посмотрим представление... Ты поглянь, а! Ты поглянь, что выделяет этот сатир!

Котик выронил из рук тунца и покатился по льдине, судорожно икая от внезапно накатившего на него хохота. Тогда кит рассказал ему о последней просьбе учёного кальмара. Трепыхающиеся горы рыбы расползлись, и улов уже начали прыгать в воду. Котик перестал кататься по льдине и задумался. Он долго думал и, наконец, произнёс:

– За мной!

Он поджал лапы и плюхнулся в воду. Кит нырнул вслед за ним. Котик махал лапами. Он не плыл, он парил под водой, будто диковинная морская птица и кружился в водовороте течений. Среди зарослей водорослей кит разглядел макушку мачты корабля. Котик спланировал по спирали вниз вокруг мачты на илистое дно. Когда поднятая со дна муть осела, перед их глазами предстал огромный трёхмачтовый парусный фрегат. Сквозь щели между прогнившими досками поднимались пузырьки воздуха, и сновали мальки. К борту присосались ракушки и анемоны. Красные, жёлтые, они шевелили своими щупальцами, как будто приглашая в свой проклятый дом. В корпусе судна зияла пробоина. Она оказалась слишком мала для кита.

– Ты не пройдёшь, – оценив взглядом кита, заключил котик, – я помогу тебе найти комод.

После чего он, не раздумывая ни секунды, нырнул в чёрную дыру.

В трюме царил полнейший хаос. Прогнивший хлам беспорядочно плавал, будто парил в невесомости. Сломанные бочки, сундуки без крышек, порванные картины, персидские ковры и меха, всё превратилось в одну большую набухшую губку. Котик, зажав нос, проскользнул мимо всей этой рухляди к лестнице. В большом позолоченном сундуке под лестницей он заметил белые яйца. Акулы! Всё его тело будто пронзило током. И тут же из коридора, куда он направлялся, показалась оскалившаяся пасть. Мощный спинной плавник сверкал стальным блеском, а на мускулистом теле играли блики лучей, пробившихся сквозь трещины в корпусе корабля. Котик со всей силой, на которую был способен, замахал лапами, и даже не заметил, как выскочил наружу и оказался на льдине. Через некоторое время всплыл и кит... Он был очень – очень упорным и ни за что не хотел сдаваться.

– Нужно как-то отвлечь акулу, – котик задумался, – у меня есть один знакомый пингвин. Отчаянный парень. Он живёт один в своей ледяной цитадели и может быть поможет нам.

Пингвин жил в Долине айсбергов. Крепость была настолько огромна, что верхушки башен терялись где-то в облаках. Её окружали три ряда отвесных стен с маленькими бесформенными окошками. На стенах высились ледяные скульптуры, похожие на херувимов с луками в руках. И в тот момент, когда кит и котик подплыли к ледяной крепости, пингвин летел вниз с пика ледяной скалы, отчаянно махая лапами. Приземлился пингвин прямо на ледяную площадку, между внутренней и наружной стенами. До них донёсся хруст костей. Но, не смотря на парализующую боль, пронзившую всё тело, пингвин поднялся, подтянул ремешок, удерживающий шлем, и вновь начал карабкаться на вершину ледяной крепости.

– Пингвин, не уделишь ли ты нам минуту своего драгоценного времени! – Крикнул котик.

Однако пингвин их даже не заметил. Он неуклюже карабкался на вершину башни. Ледяные порывы ветра били пингвина в лицо, трепали кожаную куртку, грозя разорвать её в клочья. С высоты башни кит и котик казались ему двумя тёмными точками. Тогда кит начал кричать о других мирах, о кладбище кораблей, о последней воле учёного кальмара, о правде в комод из чёрного дерева, об акуле отложившей яйца в трюме затонувшего корабля, и только тогда пингвин спустился с башни и, заикаясь, сказал:

– Я помогу вам. Когда-то я поклялся себе, что поднимусь на самую вершину этого мира, что я стану лучше них всех! Уже много лет я ищу правду. Они изгнали меня, прокляли. Но я докажу им, я докажу. Я буду биться хоть с армией акул!

Втроем они вернулись на кладбище кораблей. Пингвин спрятался в зарослях водорослей, а котик нырнул в трюм, и уже спустя секунду выскочил оттуда, преследуемый хладнокровной, собранной и уверенной в себе хищницей – акулой. Котик проделал тот же манёвр, что и в прошлый раз: обогнул корабль вокруг, потом петлял между мачтами и скрылся среди кораллов. Когда акула исчезла из виду, кит занял позицию наблюдения на палубе, на носу корабля, чтобы подать сигнал пингвину, на случай если акула вернётся раньше.

А пингвин уже проскользнул в трюм и попал в расставленные сети. Пингвин бился в сети, пытаясь выпутаться, но всё было бесполезно, потом заметил, на полу кинжал. Пингвин потянулся к нему, схватил, перерезал сеть и поплыл дальше вверх по лестнице – на второй этаж мимо запертых кают матросов до двустворчатой двери с надписью «Кают-компания». Пингвин толкнул дверь. Внутри плавали деревянные стулья, столы и... Тот самый комод из чёрного дерева! Вот он. Пингвин кинулся к комоду и выдернул из него ящики. Они оказались пусты. Кроме одного, где сидел краб. Тот выпрыгнул из ящика и убежал прочь.

– Ничего нет. Как же так? – Сказал вслух пингвин, – Наверное, это не тот корабль. Наверное, нужно осмотреть другие.

Он стоял в растерянности и смотрел на пустые чёрные ящики комода. Когда пингвин выбрался наружу, кита на палубе уже не было.

– Что произошло? Где кит? Где котик? – оглушённый страшной догадкой, думал пингвин.

И тут он увидел его. Прямо над собой. Тяжёлая туша медленно всплывала, а вокруг кружила стая акул. Пингвин с отчаянным воплем кинулся на одну из акул и ударил её ластой по носу. Акула замотала головой и на мгновение отпрянула назад, но затем собралась и вновь ринулась в атаку. Она, будто пушечное ядро, понеслась на пингвина. Он увернулся. Акула пролетела мимо и снова напала.

Кит чувствовал, что у него онемели хвост и плавники, силы покидали его. Резкая боль в боку и – темнота...

Когда он очнулся, в небе сияли звёзды, а северный ледовитый океан сменился тихоокеанскими просторами.

– Что случилось? Почему я ещё жив? Куда подевались акулы? – думал кит.

Он вспоминал своё прошлое, пытался понять настоящее и размышлял о грядущем. В небе промелькнула стая птиц. Сквозь горячечный бред ему слышалось кряканье уток. Он снова терял сознание. Море убаюкивало его в своей колыбели, утешало, пробуждало надежду и обволакивало нежными тёплыми водами. Очнулся кит уже на песчаном побережье лагуны. Из песка торчала одинокая пальма. Перед его носом в горячем песке лежала раскрытая книга. И тут кит всё понял. Понял всё, что говорил ему учёный кальмар. Кит расплылся в улыбке. Пусть буквы размыло, пусть не прочесть ни единой строки, он ведь всё знал, всё, что было написано на страницах этой книги.

С восходом солнца со страниц книги поднялся росток. По листьям расползлись корни и вгрызлись в песок, и к полудню сформировавшийся бутон распустился восемнадцатью белыми лепестками. И в голубой воде лагуны засияли звёзды. Засияли созвездия, а среди них на небе засияло созвездие кита.

Мумификация

Профессор математики Танг ковылял по мостовой, опираясь на костяную трость, мимо витрин с сувенирами для туристов, кофеен, рекламных баннеров, развевающихся на ветру воздушных змеев и разноцветных лент. Уставший восьмидесятилетний старик, в запылённом, клетчатом пиджаке, с лысой головой и складками кожи по всему телу. Дед, усохший до состояния «кожа и кости», больной анорексией, брёл в толпе безликих людей, останавливался и тихо вздыхал. Профессор проделал долгий путь из северного полушария Земли в южное, чтобы встретиться с сильфом Альберто. О нём он знал только то, что тот работает гондольером на маршруте «Аэропорт – Часовня».

Стаи лодок рассекали маслянисто-зеленоватую гладь главного канала, бывшего когда-то мелкой протокой между островами лагуны. За две тысячи лет на этих островах вырос многомиллионный город, со множеством дворцов, храмов, башен, морских садов и мостов – висячих и арочных. Где-то среди этих судёнышек затерялась гондола Альберто. Профессор просидел на скамейке, возле часовни весь день, но ни одна лодка так и не подошла. Солнце уже садилось. За толстыми стёклами магазинных витрин загорелись красные фонарики, а на баннерах – гирлянды.

Люди разбрелись по домам. Вспыхнули ночные фонари высоко над домами, залив багряным воском рябь каналов и ряды лодок. На охоту вышли тени, поползли по стенам, водосточным трубам, крышам.... Профессор свернул на узкую улочку. В карманах пиджака позвякивали монеты.

– Нужно скорее найти отель на ночь, а завтра – в аэропорт. Может быть, Альберто изменил свой маршрут.

Помимо людей и сильфов в городе обитали и другие нелицеприятные твари, такие как морские альвы и пещерные гомункулы, в гротах под городом. Профессор прошёл три улицы и два моста до двухэтажного дома с богато украшенным фасадом и балкончиками. Фрески из цветного стекла изображали кувшины, фрукты и виноградные лозы. Над деревянными воротами висела вывеска: «Ночлежный дом».

Профессор захромал в сторону дома. Здание со всех сторон окружали лодки. Танг подивился тому, как столько человек могло уместиться в этом небольшом отеле. На мосту

у него свело ногу, и он повис на перилах, едва не перекувыркнувшись в канал, потом почувствовал, как тени вокруг начали сгущаться. Какая-то неведомая сила мягко обхватила его за лодыжку и потащила вниз, под мост. Профессор упал на перекладину на дне лодки. Дыхание перехватило, и он судорожно хватал ртом воздух.

– Я давно за вами наблюдаю профессор. Что вам надо от меня?

На изогнутом носу длинной узкой гондолы шевелился какой-то чёрный шар, накрытый балахоном. Звуки исходили оттуда. Танг принялся объяснять, что он просто ищет аптеку ведьмы Бэйлис, что гадалка предсказала ему скорую смерть, а у него ещё остались в этом мире кое-какие незаконченные дела, потом достал из кармана горсть монет и показал их карлику.

– Ну, хорошо. Я довезу вас до аптеки. Последний раз. Завтра я сваливаю из этого города.

Бугристый шар поплыл в его сторону, не касаясь дна лодки. Балахон висел на нём будто шатёр, за которым фокусники обычно прячут свои чудеса – окружённый чёрной, таинственной аурой. Сильф взлетел к испачканному грязью, шарообразному фонарю, висевшему на крючке причудливо изогнутой к вершине, чугунной пике – прямо над профессором. Всё пространство вокруг, под мостом и в радиусе трёх метров озарилось белыми лучами. Под капюшоном балахона светились два больших голубых, как озёра, глаза.

Сильф погрузил в воду весло, и гондола медленно заскользила по узкому каналу.

– Скоро весь этот город уйдёт под воду. Гомункулы прогрызли сеть пещер под городом. Советую и вам убираться отсюда как можно скорее. Люди сидят в своих домах и делают вид, что ничего не происходит, закрывают глаза на те немыслимые ужасы, которые творятся у них под окнами, не обращают внимания на то, что океан каждый день поглощает по целому кварталу, вместе с людьми. Они думают, что их это не коснётся, что их дом стоит прочно, пока однажды, он не сложится, как бумажный макет.

Танг, молча, слушал гнома, многозначительно кивал и вглядывался в темноту пустынных улиц, надеясь увидеть среди них проблески света. Фонарь над головой ослеплял, засасывал все проблески сознания, которое постепенно покидало его, а сильф продолжал грести и что-то тихо, как будто из другого мира бормотал, бормотал, бормотал....

– Мне каждый день приходится проявлять волю, спокойствие и упорство, объясняя людям, что нужно укреплять фундамент города, забивать новые сваи в ил, строить дамбы в пещерах под городом, избавляться от гомункулов, но люди просто боятся выходить из своих домов и увидеть реальность. И в конечном итоге все мои слова превращается в поединок с невидимым противником. Нет! Завтра я уезжаю отсюда.

Гном мастерски управлялся с гондолой, резко останавливался и разворачивался на поворотах, разрезая воду веслом, будто масло ножом – без лишних движений, без всплесков. Когда они вышли в гранд-канал, гондола набрала скорость.

Сверху мелькали балкончики, цветочные клумбы, арки, развешенное бельё, гирлянды вялящейся рыбы и флаги. Всё это пропиталось запахами моря, омаров и жасмина. Профессор закрыл глаза. Голова кружилась. Стало дурно от этой бешеной гонки. Ему показалось, что где-то далеко тихо играет музыка из граммофона.

Профессор не видел, как гондола взлетела над водой и понеслась над мостами, над старыми черепичными крышами, над городом. Сильф расправил алый парус на шесте, и они полетели над облаками по волнам ветра.

Танга разбудил треск ломающихся досок.

– Проклятье! Альвы! Я опустил слишком низко к скалам, они обстреляли нас из катапульт, но ничего, мы уже почти на месте.

Профессор выглянул за борт. На крутом обрыве, куда они с грохотом опустились, стоял гигантская тыква. Прорези окон, злорадно прищурившись, взирали с высоты, не меньше сотни метров, на бесконечную голубую равнину океана.

– Похоже, я проспал всё путешествие.

Танг расплатился с сильфом и пошёл к дому ведьмы. Чёрная, лакированная дверь блестела в прорези рта тыквы, будто дыра в зубах. На крыше виднелась труба, в виде небольшого хвостика. Из неё валил густой жёлтый дым. Холодные порывы ветра с океана едва не сбросили его с обрыва, пока он добирался до двери, сгорбившись и опираясь на трость. Профессор постучал в дверь. В дверном проёме возникла молодая девушка в коротком чёрном платье и конусообразной шляпе. В руке она держала бутылку из тёмного стекла с этикеткой, на которой была изображена старуха-смерть с косой. Увидев на пороге старика, ведьма радостно воскликнула:

– О! Добро пожаловать в нашу аптеку! Проходите-проходите.

Профессор на трясущихся ногах прошёл в дом. Стены и потолок внутри тыквы были какими-то пористыми, воздушными, а в этих порах – полочки с глиняными кувшинами, деревянными шкатулками, масляными лампами, стеклянными шарами. Из зала в другие комнаты вели восемь дверей. В центре – печка, а на ней – каменный котёл. У стены, за печкой – трезубец Посейдона; видимо – вместо швабры.

– У нас собраны лекарственные растения со всего мира в порошках и сиропчиках. Две тысячи наименований! Десять тысяч лет безупречной работы и ни одного недовольного клиента!

Ведьма повела для профессора по магазину.

– В этих коробочках – цветочная пыльца, в банках – глазные яблоки угрей, в бутылках – пенные морские настойки, желе из морских фруктов и пряности. Есть ещё яд гадюки и этиловый спирт. В подарок со спиртом идут колесо и бита. В человека вливают спирт, затем переламывают ему битой кости, привязывают к колесу и крутят три дня, пока не умрёт.

Ведьма неожиданно рассмеялась, да так, что на глазах навернулись слёзы, потом, немного успокоилась и продолжила лекцию.

– Среди ядов в нашей аптеке ещё есть цианистый калий и никотин. В комплекте с никотином идёт вот эта маленькая газовая камера. Человека сажают в неё и пускают дым, насыщенный канцерогенными смолами и другими ядами. Умирать в такой камере человек может годами. Кстати, неплохо берут.

Ведьма вновь рассмеялась, да так, что у неё живот заболел, и шляпа упала с головы. Чёрные волосы каскадом рассыпались по плечам.

– А вот – новое поступление – виселица. Человека подвешивают вниз головой петлёй за ногу, долгие годы кормят смесью из ароматизаторов, консервантов, красителей и стабилизаторов, а потом у несчастного крючком через нос вытаскивают мозг, испаривают живот, вытаскивают все внутренние органы и раскладывают по горшочкам, а внутреннюю полость протирают красным вином или спиртом, после чего тело возвращают родственникам.

Профессор сказал ей, что ему нужна кровь дракона, чтобы приготовить эликсир бессмертия, но ведьма как будто не слышала его, она смеялась залихватистым смехом и никак не могла остановиться.

– Эй, приятель, о чём ты? Какая кровь дракона? Какой эликсир бессмертия? Драконы вымерли миллион лет назад вместе с нашими предками.

Профессор поблагодарил ведьму за гостеприимство и вышел, так ничего и не купив. Альберто всё ещё пытался залатать пробоину в днище гондолы. За домом ведьмы находился сад. Среди – деревьев колодец, выложенный из гладких камней, за ним – скульптура сфинкса – лысого чёрного кота, с треугольной мордочкой и складками кожи на голове и шеи.

Тангу показалось, что скульптура шевельнула правым ухом. Он пригляделся: непомерно длинный хвост пришёл в движение. Глаза сверкнули медным блеском.

– Да это же живой кот! Как же он похож на меня!

Кот осторожно передвигая длинные тонкие лапы, подкрадывался к колодецу, потом прыгнул и исчез в нём.

– Может быть, у этой ведьмы под землёй – тайные склады, хранилища, где она прячет секретные ингредиенты.

Через пять минут дед уже лез в колодец вслед за котом. До боли в пальцах он цеплялся за камни и медленно, сантиметр за сантиметром, спускался. К счастью, колодец оказался не глубокий и лететь до дна оказалось не далеко, так что профессор отделался лишь трещиной в тазовой кости.

– Может быть, кот просто охотился на мышей?

Профессор ощупал стены, обнаружил в дыру и начал расширять её ударами ног, потом протиснулся через неё в тоннель, прорубленный в литой скале. Ступеньки вели вниз. В крошечной тьме приходилось идти на ощупь, согнувшись в три погибели. Тоннель уводил всё ниже и ниже под землю и с каждым метром становилось всё труднее дышать. Лестница рассыпалась под ногами.

Дальше тоннель разветвлялся. Танг услышал странный стук, доносившийся из левого тоннеля, нырнул вправо и замер, прижавшись к стене и успокаивая дыхание. Стук костей о камни сопровождался скрежетом. Что-то быстро приближалось, и через пару секунд пронеслось мимо и исчезло в темноте. Танг сглотнул подступивший к горлу ком.

– Пронесло. Что это было? Не похоже на гомункула? Наверное, какие-то ведьмины штучки.

Преодолев страх, профессор продолжил путь. Тоннель тянулся в недра скалы около километра и сузился до одного метра, так что профессор уже почти полз по нему, слепой, как крот. Он спустился ниже уровня океана. Здесь должны начинаться грунтовые воды, которыми когда-то давно подпитывался пересохший колодец. И в самом деле – послышалось журчание воды. Танг нащупал ручеёк и припал к нему губами. Сил заметно прибавилось. Он пополз дальше. Ничего другого ему не оставалось. Прошло уже шесть дней с того момента, как гадалка предсказала ему, что он умрёт через неделю от разрыва сердца.

Профессор задыхался. Ему опять чудилась музыка, доносившаяся откуда-то из недр скалы. Он изорвал об острые камни пиджак, штаны и кожу на руках до крови.

– Был бы я чуть толще – застрял бы.

Тоннель начал расширяться, а музыка слышалась всё отчётливее. Впереди показался свет. Тоннель оборвался огромной пещерой, величиною с ангар для военных самолётов. На стенах горели факелы. Посреди пещеры лежала гранитная плита, метров сто в ширину и двести в длину, а на ней золотилась в свете пламени факелов большая печать с изображением жука в узорчатом окаймлении. Над плитой, склонив голову, стоял человек с абсолютно лысой головой, без бровей и ресниц. Он заметил Танга, выползшего на корточках, из ячейки, которыми была усыпана вся пещера.

– Аааа! Это вы, профессор. Старость – не радость. Верно? Ужасная музыка. Она раздражает даже меня.

Могильная плита гробницы дрогнула. С потолка посыпались камни.

– Настал час людям очнётся от иллюзий. Жизнь человека превратилась в одно большое заблуждение. Я дам людям противоядие от этого вируса иллюзий, путеводную нить, которая выведет всех нас из лабиринта заблуждений и безысходности. Люди превратились в слепых котят, рождающихся для удовольствия, для развлечения. Если это не остановить, человека вытеснят другие жители этой планеты – альвы, сильфы, скелетоны, гомункулы. Они задушат человека, как противника за кусок мяса.

Плита затряслась. Одинокое, томящееся много веков в заточении зло просыпалось.

– Человек заливает вином горе и боль несправедливости и слабости, нерешимость и глубокое погружение в атмосферу траурности. Скоро поднимется новая волна – разрушающая, а за ней – создающая.

Плита медленно съехала в сторону, оттуда показалось забинтованное крыло с когтем на конце, и из гробницы выползла мумия дракона. В нос тут же ударил смрадный, гнилостный запах разложившейся плоти и профессора едва не вырвало.

– Ну что же вы, профессор? Вам нужна кровь дракона? Так вот он – пред вами. Вы хотели жить вечно? Где же ваша былая удаля? Где ваш энтузиазм? Меч-кладенец?

Колдун пошёл к лестнице, выдолбленной в скале, и растворился в темноте. Танг пошёл за ним. Тоннель спиралью поднимался вверх. Профессор несколько раз останавливался, переводил дыхание, отдыхал на ступенях лестницы, пока поднялся на поверхность. Он находился в склепе. Двери сорваны. Внутри льётся лунный свет. Урны с прахом разбиты.

– Нужно как-то остановить этого дракона. Для битвы с ним я слишком слаб, а бессмертие такой ценой мне не нужно. Разлагаться вечно, накладывая на себя всё новые и новые бинты? Погружаться в сон на тысячи лет в той гробнице, ожидая момента, когда ещё какой-нибудь турист, прослышавший о бессмертии, не придет за твоей кровью. Питаться человеческой плотью? Нет! Нужно рассказать всё ведьме. Наверняка у неё есть какие-то средства против оживших мумий.

Ведьму и сильфа Танг увидел, как только вышел из склепа. Они осматривали следы, которые оставил после себя дракон: сломанные ограды, разбитые надгробья, развороченные цветочные клумбы. В воздухе всё ещё висел гнилостный запах.

– Езжайте в город, найдите атлантов и напоите их этим нектаром, а я пока прослежу за драконом, чтобы он не залёг где-нибудь в могиле. Иначе мы его потом не найдём среди этих бесконечных рядов склепов.

Бэйлис вручила профессору бутылку с золотистой жидкостью. Гондолу Альберто оставил у ворот кладбища. Они сели и полетели в город искать атлантов.

Альберто вёл гондолу к центральному морскому парку. Шарообразные гирлянды крон на стволах деревьев гирляндами нависали над водой. Аккуратно подстриженные кусты в форме единорогов и пегасов украшали парк. Статуи атлантов окружали гейзеры в центре морского сада. Гондола плавно опустилась на воду. Атлант был лыс и бородат, а из головы торчал топор. Изящно выточенный и отшлифованный скульптором мускулистый торс, набедренная повязка. Второй атлант стоял спиной к первому: мощь его мраморных мышц стягивала белая туника. Длинный волнистый волос развивался сзади. В руках он держал пушечное ядро.

Танг залез на постамент, на котором золотыми буквами было написано «Парамонимос», откупорил бутылку и влил в плотно сжатые губы атлета вязкую, золотистую жидкостью. Она вспенилась и потекла по густой бороде. Потом он напоил вторую статую, с подписью «Андроникос» и вернулся в лодку. Они стали ждать восхода луны. Через полчаса за облаками показался бледный месяц. На белом мраморе заиграли блики лунного света, засеребрились гейзеры, и послышался треск ломающихся камней. Статуи ожили.

Андроникос озадачено огляделся. Парамонимос грозным взглядом впился в профессора. Сильф заговорил.

– Нам нужна ваша помощь. Заключённый колдун Мертин вырвался на свободу и пробудил мумию дракона.

Андроникос спрыгнул со своего постамента, уйдя по пояс в воду.

– Опять этот Мертин! Его ведь повесили давно! Показывай куда идти!

Сильф взялся за весло, гондола заскользила по воде, набрала скорость, и они взлетели. Атланты шагали позади, поднимая волны и фонтаны брызг. Андроникос загремел.

– Впервые я встретил этого колдуна в трактире. Я поспорили, что пройду пустыню Гоби на своих двух ногах. Я шёл триста дней и на триста первый день решил отдохнуть под пальмой. Там меня ужалила гадюка. Я срубил песчаный тростник, за считанные секунды, что мне оставались до смерти, выточил из тростника трубку и воткнул её себе в горло. Я всё же дошёл до конца с трубкой в горе и прожил ещё пятьдесят лет. Я искал этого поддонка по всему свету. Он проспорил и должен мне трёх верблюдов.

Они летели к океану, где на окраине города находилось кладбище. В городе – ни одной живой души. Только лодки покачивались у пристаней. После Андроникоса заговорил второй атлант, яростно выражая своё недовольство по поводу колдуна.

– Я простоял на страже крепости пятьдесят лет и за это время ни один варвар не осмелился напасть на нас. Мартин забавы ради решил насладиться на нас полчище скелетонов. Костяные птицы напали ночью, с воздуха. На земле они трансформируются в четырёхногих пауков. Тогда-то я и получил топор в голову. Конечно, мы их всех перебили, но эти твари доставили нам немало хлопот: подожгли несколько домов и разнесли в пух и прах весь городской рынок. С топором в голове я простоял на страже крепости ещё пятьдесят лет, и после смерти завещал не хоронить моё тело, а прибить его гвоздями к воротам крепости, чтобы охранять крепость и после смерти, устрашая своим видом врага, но они почему-то этого не сделали.

Близился рассвет. Город остался позади. Они летели над обрывом. Далеко внизу шумел океан. Через полчаса показалась первая могила. На кладбище они отыскивали ведьму Бэйлис, которая спряталась за надгробьём. Когда они подошли, она прошипела.

– Он – там, за тем склепом. Не может никак взлететь. Сил не хватает. Разрыл уже девять могил, но так и не нашёл чем подкрепиться.

Парамонимос, не раздумывая, выдернул топор из головы и с рёвом бросился в атаку. Перепуганный досметри дракон выскочил из полуразрытой могилы и бросился бежать. Бинты на бегу отслаивались, как скорлупа, и под ними виднелась гниющая, изъеденная червями плоть. Бэйлис с отвращением поморщилась и отвернулась, чтобы не видеть жуткого зрелища, как атлант будет рубить на куски разлагающуюся мумию.

Дракон запрыгнул на крышу склепа, развернулся мордой к атланту, вскинул крылья и плюнул в летящего на него с топором в руках атланта. Кислота мгновенно разъела топором. Парамонимос отбросил бесполезную палку и вцепился в шею дракона голыми руками. Они катались по земле, взметая комья сырой земли и ломая могильные ограды, скамейки, клумбы с искусственными цветами. Дракон упёрся своими когтистыми лапами в грудь атланта и оторвал его от себя. Парамонимос отлетел назад метров на пять, сбил в полёте крест, подскочил и вновь бросился в бой. Дракон, поняв, что ему не одолеть каменного человека, прорвался бежать, размахивая тяжёлыми крыльями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.